

Р. С. Гринберг¹

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Чтобы верно оценить ход рыночных реформ в России, нельзя не учитывать культурные предпосылки ее социально-экономической динамики. При этом культура рассматривается в широком понимании, не сводимом к функционированию отрасли и системе культурно-досуговых учреждений. Речь идет о культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, принятых в обществе. Очевидно, что именно они оказывают существенное воздействие на поведение человека в процессе хозяйственной деятельности и, в конечном счете, на функционирование самой экономической системы. Механическое заимствование норм и законов, сложившихся в иной культурной среде и других условиях, может оказаться не только неэффективным, но и опасным с точки зрения социальной стабильности. Без особого риска преувеличения можно утверждать, что огромная социальная цена российской трансформации во многом обусловлена игнорированием культурного компонента в разработке и реализации социально-экономических программ.

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству — при всех задержках и даже откатах — со-

храняются. Главное — уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. К сожалению, говорить о такой опасности приходится. Но прежде попытаюсь охарактеризовать промежуточные итоги «русской трансформации».

Чего хотели и что получилось?

Надо признать целый ряд положительных итогов состоявшихся рыночных преобразований. Их очевидная позитивная сторона в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Особенно отрадно, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Происходит становление предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнильность в личных доходах, и виден осязаемый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо ли бедно, но начали функционировать формальные институты рыночной экономики — коммерческие банки, товарные и фондовые

¹ Член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор. Автор свыше 250 публикаций, в том числе книг: «Экономическая социодинамика. Россия: правила и реальность (в соавт.)», «Инфляция и антиинфляционная политика в условиях рыночных реформ (опыт стран Центральной и Восточной Европы)», «Рациональное поведение государства», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» (в соавт.). Главный редактор журнала «Мир перемен».

рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 1990-е годы Россия явно отдалась от желаемых социально-экономических стандартов евроатлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны третьего мира с огромной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена.

Конечно, на результативность отечественных реформ продолжают влиять мощные объективные факторы, делающие системную трансформацию в России намного более трудной, чем у наших партнеров по бывшему СЭВ. Если в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Далее надо иметь в виду, что, в отличие от стран ЦВЕ, перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном, распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который часто игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра, и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия не стала исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России оказалось огромное бремя военного производства.

Тем не менее без особого риска преувеличения можно утверждать, что разочарывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и только во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. Во всяком случае, чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированы.

Утрата социальной солидарности, социальное разобщение — еще один плачевный итог трансформации российского общества. Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Интенсивное искоренение морально-этического ком-

понента из социального бытия деформирует повседневную жизнь. Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия. Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России тяжелой психологической травмой, источником как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий.

Хуже всех пришлось представителям прежнего среднего класса, который к началу реформ был весьма многочисленным (профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие). Их жизненный уровень по сравнению с другими группами населения упал особенно резко.

Начиная с конца 1950-х годов в СССР стали зарождаться если не элементы, то определенные предпосылки гражданского общества: появился широкий слой преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства, то есть все те признаки классового сознания, которые отличают средний класс от среднего потребительского слоя. Представители этого класса были особенно заметны в крупных промышленных центрах. Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, наличие которых выдвигало ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран.

Однако инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно представители среднего класса в наибольшей мере испытали экономическую и социальную депривацию в ходе проведения реформ. Российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться от этой социальной группы. Большинство ее представителей было выброшено на обочину жизни, многие эмигрировали. Таким образом, один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству — творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала — невосполнимая и с экономической, и с социальной точки зрения потеря, которую понесла Россия за эти 15 лет.

Следует указать и на такое важное социальное последствие российских реформ, как растущая пропасть между властью и народом. Отчуждение населения от государственного аппарата, характерное для тоталитарного режима, не только не исчезло, но в итоге трансформации в 1990-е годы даже усилилось. Фактически государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а значительная часть населения, в первую очередь бюджетники, наемные работники, пенсионеры, дети и инвалиды, — в обузу для членов этой корпорации.

Таков перечень основных составляющих той социальной цены, которую платит страна за радикальные рыночные реформы. Теперь об их политических итогах.

В России, в отличие от других европейских государств, либеральные идеи традиционны не имели широкой социальной базы. Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской

истории XIX–XX веков. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 1980-х и первую 1990-х годов. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей свободы личности и частной инициативы. К началу 1990-х годов они захватили значительную, если не большую, часть населения, причем самую продуктивную его часть. Словом, возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен хороший шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 1990-е годы вызвало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 1990-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма — главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-е годы. Сейчас общество пожинает посеянные ими плоды. С грустью приходится констатировать, что нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает созданный в годы реформ экономический базис.

«Магическое мышление», или Почему они «такие»?

Есть, по-видимому, веские основания полагать, что появление на российской политической сцене радикальных реформаторов — результат традиционного и, как всегда, не оправданного нетерпения западнического крыла российской интеллектуальной элиты, волею судеб оказавшейся у власти в стране в начале 1990-х годов. Сегодня это важно подчеркнуть, потому что в наши дни, по прошествии периода «бури и натиска», стало хорошим тоном если не демонизировать состав первой бригады «шкоте-рапевтов», то, по крайней мере, отрекаться от них. На самом деле и интеллигенция, и так называемые простые люди в подавляющем большинстве просто обожали молодых энергичных реформаторов, а если уж быть совсем точным — их патрона, первого президента России, обещавшего в короткие сроки «осчастливить» народ. Ведь это только сегодня трудно обнаружить людей, голосовавших за Ельцина и безоговорочно поддержавших его юных соратников. А в решающем 1991 году все было иначе. И если «глас народа — глас божий», то их не в чем упрекнуть. В ловушку очередной, на этот раз неолиберальной, утопии угодила мыслящая часть народа, к сожалению, сыгравшая решающую роль в формировании и распространении новых социальных иллюзий.

Нелепо также осуждать радикальных реформаторов за то, что они, якобы, положили начало разбалансированности экономики страны. К 1992 году она в своей подавляющей части уже была разбалансирована в результате губительного для всех противоборства российских властей и союзного центра. Несомненно, правы те из реформаторов, кто утверждает, что ко времени их вхождения во власть управляемость экономикой — советской вообще и российской в частности — уже в значительной мере была утрачена, а товарно-денежное неравновесие достигло огромных размеров. Правда, им придется признать, что тем

и другим страна главным образом обязана их покровителям и им самим.

Некорректна, на мой взгляд, и весьма распространенная в обществе огульная критика так называемой шоко-терапии, под которой обычно понимается состоявшаяся 2 января 1992 года одномоментная либерализация цен. Для сторонников рыночной экономики в принципе не должно быть сомнений в том, что большинство цен нужно было отпускать, иначе просто не был бы запущен механизм рыночного саморегулирования. Можно, правда, спорить о соотношении твердых и свободных цен в тогдашних российских условиях. Но это тема для особого разговора. Как бы то ни было, явно несостоятелен упрек реформаторам в том, что они не учли монополистическую природу советской экономики. Многие и сейчас считают, что сначала будто бы нужно было сформировать конкурентную среду и лишь после ее образования отпустить цены. Такое представление насквозь утопично, так как в принципе невозможно создать конкурентные отношения при фиксированных ценах.

Что касается не мнимых, а действительных ошибок «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, то здесь, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же имеет смысл обратить особое внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ, как, впрочем, и в экономической политике в целом. Вопрос этот, к сожалению, так и не утратил своей актуальности.

Начну с ярко выраженной склонности как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд и распространенных заблуждений, иллюзий и мифов. Среди иллюзий я отметил бы, прежде всего, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада, оправдывающих погоню за его экономическими и социальными стандартами, а также абсолютизацию так называемых универсальных экономических закономерностей, не учитывающих требования «места и времени». Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, что реформаторы имели обыкновение объяснять опасениями коммунистического реванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить наивно-благостное отношение к порядкам в современном мировом хозяйстве, где будто бы царят только отношения дружбы и взаимопомощи. С самого начала радикальных реформ верным считался тезис: быстрая открытость экономики России благоприятна, постепенная и дозированная — вредна.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг безусловной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах, и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в хозяйственную жизнь должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. И, наконец, в-третьих, в качестве мифа следует рассматривать приверженность реформаторов теории «обузы», согласно которой Россия быстрее волеется в лоно цветущего Запада без слабых спутников в лице постсоветских республик. При этом почему-то господствовало представление, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Здесь как будто бы напрашивается возражение, что все это уже в прошлом, что в постдефолтной России экономическая политика утратила свою сугубо идеологическую направленность и приобрела исключительно прагматический характер. Этого и хотелось бы, — но что-то мешает так думать.

Трудно избавиться от ощущения, что экономическая философия, положенная в основу конкретной политики, сегодня никак не изменилась по сравнению с началом 1990-х годов. Установка на разгосударствление экономики по всем линиям продолжается, хотя и создаются мощные холдинги, о которых разговор особый. Попытки «маркетизации» всей российской жизни продолжают, несмотря на, казалось бы, богатейший печальный опыт «либерализма без берегов», из которого давно пора бы извлечь хоть какие-нибудь полезные уроки.

С упорством, достойным лучшего применения...

В соответствии с представлением, все еще очень живучим и у нас, и на Западе, сформированный в начале 1990-х годов неolibеральный план трансформации командной экономики в рыночную провалился в России только потому, что разные «непредвиденные» обстоятельства не давали его осуществить, — хотя сам-то план был безукоризненный. Разные обстоятельства — это «плохие» коммунисты, всегда жаждущие реванша, популистский левоориентированный парламент и, наконец, инертное, в патернализме воспитанное население, которое еще не утратило надежду выжить после проведенных реформ.

Примечательно, что даже после событий 1998 года официальная оценка Международным валютным фондом причин провала российских реформ оставалась неизменной. Руководители МВФ нехотя признавали отдельные ошибки в советах, дававшихся российским реформаторам, — например, просчетом считается согласие на жесткий «валютный коридор». В целом же, «если бы русские (здесь я почти буквально цитирую Фишера, Сми и Камдессю) полностью выполняли рекомендации, которые они сами для себя выработали с нашей помощью, реформы были бы успешны». А рекомендации эти, как известно, были предельно просты: максимальная приватизация, минимальный уровень инфляции, максимальная открытость внешнему миру и минимум государственного интервенционизма.

Сейчас все указывает на то, что на страну накатывает новая волна людоедского, по сути, либерализма. Особенно заметна нацеленность экономических ведомств на дальнейшее сокращение бюджетных расходов в социальном секторе, которые и так снизились до недопустимого для нашей страны уровня. В 1990-е годы еще были какие-то иллюзии спонтанного роста внебюджетной поддержки отраслей социальной сферы, наивные надежды, что часть бюджетной ноши перехватят новоиспеченные частные хозяйствующие субъекты. Теперь же совершенно отчетливо просматривается стратегическая установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного, я подчеркиваю, бесперебойного государственного финансирования. Абсолютно игнорируется объективный характер убыточности подавляющей массы организаций социальной сферы при любой степени зрелости рыночной экономики. Именно из факта врожденной убыточности этой сферы, собственно, и вытекают конституционные гарантии и бюджетные обязательства современного государства по систематической поддержке учреждений здравоохранения, фундаментальной науки, культуры и образования. Здесь замечу, что такая поддержка осуществляется на регулярной основе во всех зрелых рыночных экономиках и относительно успешных постсоциалистических странах.

Но наше правительство, скорее всего не только из идеологических, но и из фискальных соображений, этого делать не хочет и ведет, судя по всему, дело к тому, чтобы избавиться от конституционных гарантий «социального» государства (это ли не насмешка над писаной конституцией?) и перейти к договорным отношениям, которые по природе своей носят преходящий характер. Итог такой политики более или менее очевиден и не заставит себя долго ждать: деградация социальной сферы стремительно приблизит ее коллапс, а намерения построить новую экономику, основанную на знаниях (**knowledge-base economy**), останутся лишь прекраснотдушными мечтами.

Вообще говоря, все мы должны считаться с одним любопытным глобальным интеллектуальным феноменом наших дней. Я имею в виду огромное влияние, если не сказать, тотальный «террор» идеологической составляющей основного рула современной экономической мысли. А содержание этой составляющей, коротко говоря, сводится к следующей максиме: «Ошибки государства всегда хуже ошибок рынка». Отсюда следует, что лучше «переборщить» с дерегулированием, чем с чрезмерным распространением государственных интервенций с их неизбежными бюрократическими извращениями.

В то же время существует колоссальный разрыв между идеологической составляющей и реальной практикой самых «рыночных» западных стран. Достаточно сказать, что сейчас через совокупный государственный бюджет стран ОЭСР, то есть самых богатых государств мира, перераспределяется половина ВВП, в то время как сто лет назад этот показатель нигде не превышал 10 %. Уместно заметить, что сто лет назад никакого среднего класса не существовало, а появился он лишь во второй половине прошлого века, то есть именно тогда, когда участие государства в экономической жизни общества достигло своего апогея как в количественном, так и в качественном отношении.

Совершенно очевидно, что начавшаяся на Западе четверть века назад «демонизация» государства как такового связана исключительно с «пересоциализацией» зрелых рыночных экономик, то есть с определенной гипертрофией социальных функций государства. Тем не менее ограничение там государственного интервенционизма, причем чаще всего мнимое или очень незначительное, нужно рассматривать лишь как коррекцию «государства всеобщего благосостояния», но отнюдь не как его демонтаж.

Но нашим реформаторам реальная, а не выдуманная жизнь «эталонных» стран, как видно, не особенно интересна. Им подавая идеологически чистые режимы свободного рынка, где государство низведено до роли «ночного сторожа» образца XVIII века. Создается впечатление, что для них любая государственная активность порочна за исключением обеспечения «единства правил игры для всех» и принуждения к их соблюдению. Правда, все это легко сочетается с причитаниями по поводу «слабого» государства и желанием укрепления авторитаризма власти. Словом, у нас в России антиэтатистская риторика — не просто риторика. Она по-прежнему — руководство к действию. И в этом я вижу большую опасность.

Сказанное не означает, что социальная политика не требует обновления. Но в ее основу должно быть положено принципиально иное мировоззренческое представление, в соответствии с которым именно развитие социальной сферы в ее широком значении определяет перспективы устойчивого экономического роста, а не наоборот, как это сегодня принято считать у федеральной и региональной элит. При оптимизации социальной политики, разработке ее параметров предстоит решительно отмежеваться от широко распространенного мнения, что расходы на

социальные цели — всегда вывет из национального богатства и препятствие для экономического роста.

Опыт Запада и успешных постсоциалистических стран однозначно подтверждает правоту следующего тезиса: правильно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а, наоборот, стимулируют ее, обеспечивая к тому же необходимую политическую поддержку реформам. Так что, как бы банально это ни звучало, основное требование сегодняшнего дня — прекратить разрушение человеческого потенциала и создать условия для его возрождения и всестороннего развития, имея в виду квалификационно-образовательные характеристики человека, его культурный уровень, реальный доступ к эффективно-му здравоохранению и достойному социальному обеспечению.

Наука имеет значение

Насколько мне известно, нигде в мире ни либералы, ни интервенционисты не ставят под сомнение отмеченную выше действовавшую на протяжении всего XX века тенденцию поступательного расширения участия государства в экономической жизни любого социума. Есть, разумеется, различия по странам: где-то государственная квота, то есть отношение национального бюджета к ВВП, больше, где-то меньше. Но факт ее роста на протяжении большей части прошлого века в мировом научном сообществе не оспаривается. Споры начинаются при интерпретации самого факта «разросшегося» государства. Одни считают, что это плохо, другие — хорошо, третьи же — к ним я причисляю и себя — призывают относиться к систематической государственной активности как к некоей объективной закономерности, имея в виду, что здесь так же закономерны свои приливы и отливы.

Здесь я хотел бы несколько подробнее остановиться на вопросе о роли экономической науки в социально-экономическом развитии вообще и о соотношении теоретического знания и практической политики в частности. Ведь это только на первый поверхностный взгляд кажется, что академические споры не имеют отношения к конкретной экономической политике. На самом же деле практикующие политики, их советники и консультанты всегда волею или неволею руководствуются в своих действиях и рекомендациях более или менее целостной теоретической конструкцией. Она оказывает мощное воздействие на принимаемые решения, которые в зависимости от ее содержания и восприятия могут быть благотворными или очень.

Сегодня стало особенно очевидно, что увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы способно порождать эффекты, прямо противоположные ожидаемым, и тем самым серьезно противодействовать оздоровлению ситуации в стране.

Если, скажем, исходить из справедливости предположения, что «чем меньше государства, тем лучше для экономики», или, как писал Мизес, «любая государственная деятельность есть зло, навязываемое одними о «правильных» или «неправильных» государственных интервенциях. Иначе говоря, раз они все вредны в принципе, надо просто от них избавляться. Я считаю, что отнюдь не случайно в России большие проблемы с более или менее консолидированной влиятельной силой, способной выявлять и реализовывать интересы общества как такового.

Сама категория «общественный интерес» оказалась здесь в значительной мере дискредитированной, что, в общем-то вполне можно понять. Трудно было ожидать чего-то иного после длительного притеснения индивидуума государством в условиях коммунистической диктатуры. Но

понять — не значит принять. Совсем не обязательно было вместе с грязной водой выплескивать и ребенка. А случилось именно так. И в результате место лицемерного «раньше думай о родине, а потом о себе» заняло не менее лицемерное «эгоизм каждого — благо для всех». Причем неизвестно, что в этой формулировке преобладает: установка на необузданную свободу по чисто мировоззренческим мотивам или вынужденная преданность ей в силу якобы закономерной слабости власти в условиях радикальной системной трансформации.

Вообще мне кажется, что непропорционально большое влияние радикального либерализма в «обслуживании» конкретной экономической политики в современной России связано в первую очередь с устаревшим и потому явно неадекватным пониманием современного основного потока в экономической теории. Судя по всему, фаза упрощенного неолиберализма либо завершена, либо близка к исчерпанию. Новейшие теоретические изыскания макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике. Оно уже не вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый общественный интерес. А раз государство становится рыночным игроком, его деятельность должна подчиняться правилам рационального поведения. Иначе говоря, в каждый данный момент времени максимизация того или иного общественного интереса достигается при строго ограниченных ресурсах. Отсюда вытекает новый, более широкий взгляд на формирование рыночного равновесия, предполагающий включение в число самостоятельных субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Все это составляет некую целостную концепцию, которую мы (совместно с профессором А. Я. Рубинштейном) излагаем в недавно вышедшей монографии «Экономическая социодинамика».

Как бы то ни было, если общественный интерес воспринимается только как сумма личных интересов и никак иначе, государство с его разнообразной экономической активностью неминуемо должно быть оттеснено на обочину социального устройства. Но черт, как известно, прячется в деталях. И некоторые из них особенно отчетливо высвечивают разницу между либерально-прагматическим и либерально-идеологическим подходами к экономической политике. Попытаюсь кратко обозначить, что я имею в виду.

Проклятье или благодать?

На протяжении последних лет на Россию неожиданно пролился золотой дождь нефтедолларов, что вызвало в рядах влиятельных «чистых» либералов если не панику, то по крайней мере что-то на нее похожее. Чего только по этому поводу не приходится слышать! Стремительное увеличение экспортных доходов ведет будто бы и к консервации теперешней структуры хозяйства, и к ускорению инфляции, и к параличу творческой энергии народа и т. д. и т. п. Возникло даже впечатление, что при высоких ценах на нефть и другое топливо и сырье лучше все это импортировать, чем экспортировать. В общем, внушалась мысль, что «деньги — зло» или уж совсем что-то сюрреалистическое типа «доходы скоро кончатся, потому что сейчас их слишком много». С точки зрения здравого смысла «невезение» такого рода понять очень трудно. Вроде в стране столько нерешенных проблем и сфер, где можно было бы с пользой потратить, как говорят

ангlosаксы, «прибыль, принесенную ветром» (windfall profit). Взять хотя бы сокращение огромного внешнего долга, обновление предельно изношенной городской инфраструктуры, обустройство границ с новыми независимыми государствами; не говорю уже о правительственных расходах на какие-то инвестиционные нужды или на восстановление социального сектора экономики.

Но не тут-то было. Для доктринерского либерализма все это лишено смысла. И дело здесь не в том, что его адепты неверно оценивают последствия внезапного улучшения платежного баланса: при его хроническом активе действительно возникают побочные эффекты, включая так называемую импортируемую инфляцию и рост реального курса национальной валюты, чреватый увеличением импорта и снижением экспорта. Может быть, найдутся даже какие-то основания (я, правда, их не вижу) для рассуждений об опасности пресловутой «голландской» болезни. Но мы не первые испытываем такого рода проблемы. Мир сталкивается с ними давным-давно и применяет для их решения весьма надежный набор инструментов. При этом я что-то не припомню, чтобы где-нибудь так же сильно, как у нас, переживали по поводу мощного притока свободно конвертируемой валюты. При рациональном, а не идеологическом отношении к делу ему, как правило, радуются, не забывая при этом изымать у хозяйствующих субъектов сверхдоходы и направлять их на разнообразные общественные нужды. Сошлюсь здесь только на известный мне опыт Великобритании и Норвегии. Мы же, судя по всему, упускаем такую возможность, причем вполне сознательно. Ведь доктринерский либерализм априори исходит из того, что индивидуумы всегда эффективнее потратят денежные средства, чем «бюрократическое» государство.

Что впереди?

Судя по всему, и президент, и правительство отдают себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоресурсов и сырья достигла критического уровня, и это уже представляет угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целенаправленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели?

В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в этой связи о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 1990-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесто-

ров в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами (а они разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики) и если считать, что, помимо резкого повышения мировых цен на нефть, в долгожданный экономический рост страны вносят вклад независимые от этих неожиданных стимулов факторы, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно, во-первых, и отчасти в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых, если, конечно, сохранится теперешняя (беспрецедентно высокая) степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России в принципе не имеет ограничителей, ибо, в отличие от стран ЦВЕ, ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского Союза хотя бы потому, что она не станет его членом даже в долгосрочной перспективе. Нужно понимать, что ее хозяйство, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, становится объектом других более мощных экономических игроков без каких-либо шансов на укоренение здесь еэсовского институционально-правового каркаса. Тенденция утраты субъектности, а следовательно, и примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит какие бы то ни было перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, которая заключается в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Но данная альтернатива не может реализоваться спонтанно, без соответствующего рационального поведения государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Не допустить другой крайности!

В теперешних российских условиях приходится считаться с другой крайностью, а именно с вполне вероятным разрастанием государственного экспансионизма, грозящего прийти на смену безбрежному либерализму 1990-х годов.

А опасность такая есть, так как в российском социуме явно зреет идея инициировать выполнение некой величественной мобилизационной программы, осуществление которой якобы вернет стране статус великой державы. Должен заметить, что у меня есть большие сомнения по поводу желаний нашего народа приступить к выполнению величественной мобилизационной программы, какую бы благородную цель она ни преследовала. Так что очередная

попытка «принуждения народа к счастью» скорее всего провалится.

Конечно, в теперешнем российском обществе широко распространены ностальгические чувства и общее раздражение в связи с плачевными результатами реформ и распадом великой державы. Но это, скорее, месть за собственные иллюзии и эйфорию конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда «народ и партия» были, как уже отмечалось, едины. Страна хотела, прежде всего, не хлеба, а свободы, а хлеба должно было прибавиться как бы автоматически. Думали, что к преимуществам социалистического общежития добавятся прелести рынка и демократии, и мы все довольно быстро устроимся на солнечной стороне жизни, где уже обитает так называемый «золотой миллиард».

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реваншу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо величественного. Скорее, надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что освоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а с, так сказать, атомизацией социума, а проще говоря, с разобщением людей, в своем большинстве занятых чистым выживанием.

Насколько мне известно, реализация всех великих «телеологических» государственных проектов в России, независимо от того, были ли они утопичны или реализуемы, как правило, сопровождалась ужасающим угнетением личных свобод. И наоборот, как только в стране раскрепощалась личная инициатива и человек получал право на выбор, государство как таковое начинало стремительно утрачивать свое величие и подчас даже суверенитет. Совсем не обязательно, что и сегодня перед нами та же фатальная дилемма. У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями». Добавлю только, что так же дорого нам обходятся невыученные уроки.

Сквозь призму культуры

Будущее России связывают с инновационной экономикой, необходимостью скорейшего перехода к «инновационному социально-ориентированному типу развития» (в терминах Концепции-2020). При этом пристальное внимание уделяется исключительно приоритетному развитию науки и образования. Однако качество человеческого потенциала как движущей силы инновационной экономики зависит не только от уровня образования, опыта и профессионализма, но также от духовности и ментальности человека, его психологических и поведенческих характеристик, за что во все времена отвечала культура. Культура формирует духовно-нравственную ориентацию развития личности, а в инновационной экономике резко возрастает не только личная, но и социальная ответственность человека как генератора новых знаний. Принцип «не навреди» должен быть положен в основу процессов производства и трансляции новых знаний и информации, а также внедрения инноваций в репродуктивную сферу.

Действительность же демонстрирует невосребованность потенциала культуры, в том числе в системе общественного жизнеустройства. Культура не попала в перечень приоритетных национальных проектов. Упоминание о культуре впервые появилось в Послании Президента РФ

Федеральному собранию РФ только в 2007 году. С одной стороны, на словах культура позиционируется как важнейший ресурс развития, с другой — расходы на нее до сих пор не являются защищенной статьей бюджета, а в условиях проведения антикризисных мероприятий именно эта часть бюджетных расходов одной из первых попала в разряд подлежащих секвестированию.

Между тем урегулирование многих проблем общественного жизнеустройства, решение которых традиционными методами зашло в тупик, в принципе возможно только в культурном ключе. Так, в свете культуры получают принципиально иной алгоритм решения проблемы национальной безопасности, а также бюрократии и коррупции, которыми проникнута вся вертикаль власти в России.

Традиционно решение проблем национальной безопасности связывают с военным присутствием, мощью единиц боевой техники, взятой на вооружение, силовым воздействием и т. п. Однако реальность такова, что внешние и внутренние угрозы выходят за рамки чисто экономических или политических противостояний, все чаще возникая по причине ценностных противоречий, что напрямую затрагивает социокультурное пространство человека. Ксенофобия, национализм, шовинизм, религиозный сепаратизм — звенья одной цепи, преодоление которых требует «перековать мечи на орала», так как насилие порождает только насилие. Разделяет людей лишь внешняя обрядовость, в то время как культура в своем истинном значении содержит в себе широчайшие возможности по объединению людей, вскормленных различной культурной средой, и сглаживанию противоречий между ними на основе непротиворечивых ценностей жизни, устремленности в будущее и здорового оптимизма.

В России на сегодняшний день одними из самых опасных внутренних угроз, изнутри подтачивающих основы государственности, являются бюрократия и коррупция. Решение проблемы бюрократизации всей системы управления через призму культуры связано с духовной основой труда. Не занятость и трудоустройство любой ценой ради получения заработка, не занятие «доходного места», а творческая реализация личности, профессия по зову сердца в соответствии со своими возможностями и способностями. Труд как ценность, а не как обреченность. Такой подход к труду позволит избежать иллюзии деятельности, многократного дублирования функций и сложностей документооборота, а также процесса согласовательных процедур во всех сферах общественного жизнеустройства.

Решение проблемы бюрократизации автоматически повлечет за собой решение проблемы коррупции. В свете культуры устранение коррупции нуждается не в применении наказания и других насильственных или запретительных мер, а в такой утраченной в обществе ценности, как доверие. Ведь социологические опросы фиксируют чудовищные факты: на вопрос «можно ли в целом доверять людям или следует быть осторожным, имея дело с другими людьми», только четверть опрошенных ответили утвердительно¹. На вопрос «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих вас людей за последний год?» 25 % опрошенных отметили усталость и безразличие, 5 % — страх, 10 % — растерянность, 14 % — озлобленность и агрессивность². Разве с таким отношением к жизни, к себе и другим людям возможен «переход к инновационному, социально-ориентированному типу развития»? Искоренение коррупции станет возможным только тогда,

¹ Пресс-выпуск Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) от 11.06.2008.

² Общественное мнение — 2007. С. 6.

когда будут задействованы социокультурные механизмы устранения причин ее возникновения.

Среди внутренних угроз также следует отметить высокую смертность населения, существенно опережающую рождаемость. При этом неотъемлемой частью современной российской действительности является смертность по причине сердечно-сосудистных заболеваний, суицида, алкоголизма и наркомании, усиления психических расстройств, а также роста преступности. Решение этих проблем соответственно медицинским или силовым путем — это лишь верхушка айсберга, борьба со следствием, но не с устранением причин. Причина же одна — игнорирование ключевой роли культуры в качестве движущей силы личностной и общественной саморегуляции, духовное неблагополучие российского общества.

Каким же образом задействовать социокультурные механизмы, способные противостоять деструктивным процессам в обществе? Единственно верное решение проблемы заключается в насущной необходимости культурного просвещения, причем не столько ради приобщения к культурным ценностям широких слоев населения, что, безусловно, важно само по себе, сколько с целью предотвращения дегуманизации общества, нивелирования духовного начала в жизни людей. И здесь без разработки наднациональной идеи не обойтись (Россия как многонациональное и разнорелигиозное государство не может позволить себе разработку национальной идеи на основе культурных ценностей титульной нации). Безусловно, само понятие идеологии дискредитировало себя в советский период тесной связкой с марксистско-ленинской пропагандой. Но, например, в Японии в 1960-е годы в рамках реализации концепции культурного государства этот процесс назывался «производством ценностей». Совершенно очевидно, что в основу наднациональной идеи должны быть положены непротиворечивые ценности жизни, например такие, как семья и детство. Основным ориентиром культурного просвещения должны стать дети, подрастающее поколение, потому что будущее страны во многом зависит от той системы ценностей, которая положена в основу их воспитания и образования. Через культурное просвещение детей и подростков это будущее можно и должно создавать уже сейчас (если не сказать, еще вчера).

Большая ответственность по актуализации и активизации культурного просвещения лежит на интеллигенции. В России, к сожалению, понятие элиты в настоящее время дискредитировано своими ассоциациями с миром роскоши, денег, гламура и пр. В неискаженной действительности неотъемлемым атрибутом элиты является ориентация на высокие стандарты поведения человека и его образа жизни. Поэтому поднятие авторитета и усиление влияния деятелей науки, образования, культуры (творцов в подлинном смысле этого слова), значимости интеллектуального труда в обществе, в том числе через возрождение системы публичных лекций, используя весь имеющийся арсенал Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий, позволит запустить механизмы культурного просвещения.

Следует также отметить, что нынешнее российское общество расколото на две части, причем демаркационная линия проходит именно в идеологическом плане. На одной чаше весов миллионы людей, своими корнями сплотившихся с советским прошлым с его антиличностной социальной установкой, где коллектив подавлял личность, а государство — общество, на другой — миллионы людей среднего возраста, молодежи, вскормленные «лихими девяностыми» с верховенством индивидуализма как движущей силы рыночной экономики. Причем речь идет не о противоречии мировоззренческих позиций «отцов и де-

тей», что, кстати сказать, абсолютно нормальный и естественный процесс, а о разрыве преемственности поколений. Сплочение общества, преодоление его резкой поляризации в направлении синтеза, разумного сочетания личного и общественного в человеке возможно только через культурное просвещение.

Причем идеологический разрыв преемственности поколений породил коллапс самой системы передачи информации, так как в большинстве своем разрушена связь «учитель—ученик», причем это касается не только образования и науки, но и всей системы передачи опыта от одного поколения к другому. Это чревато попытками «заново изобретать велосипед», вместо того чтобы встраивать новое знание в структуру духовных и ментальных накопленных с целью ускорения процесса внедрения инноваций в репродуктивную сферу и совершенствования человеческого потенциала общества в целом.

В свете культуры по-иному высвечивается проблема гендерных отношений в направлении большей включенности женщин в систему принятия важных государственных решений. Если в странах с развитой рыночной экономикой за последние десятилетия отмечена тенденция к усилению влияния женщин во всех сферах общественного жизнеустройства¹, то в России до сих пор ощущается негласный запрет на участие женщин в управленческой вертикали². В рамках темы усиления влияния женщин речь идет не о таких крайностях, как эмансипация и феминизм, когда женщина противопоставляет себя мужчине и берет на себя не свойственные ей функции, а исключительно о целесообразности прохождения законодательских инициатив через призму материнского сознания как залога успешной реализации политики разумного существования.

Если на рубеже XX–XXI веков речь шла о необходимости социального императива социально-экономического развития, то на исходе первой декады XXI века следует задуматься о культурном императиве, который составляет сердцевину политики разумного существования. Как говорил устами своего героя Пушкин: «...лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»³.

¹ «Например, в США женщинам принадлежит более 50 % денежных средств, обращающихся в стране, на них выписаны 65 % счетов, в их руках сосредоточены 57 % ценных бумаг, 74 % домов, на них приходится 88 % общей покупательной способности. <...> В более сопоставимых с Россией странах Центральной и Восточной Европы женщины владеют более чем 30 % бизнеса, нанимают 25 % рабочей силы, составляют 55 % обучающихся, около 25 % зарабатывают больше мужчин в семьях с двумя работающими. Доля женщин на министерских постах только за последнее десятилетие удвоилась — с 3,4 до 6,8 %». (Цит. по: Хохлова Т. П. Выявление гендерных аспектов менеджмента — фактор повышения эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 2.)

² «Если в низших и средних звеньях доля женщин в аппарате управления бывает значительна и это ни у кого не вызывает удивления, то представительство женщин на высшем уровне управления крайне мало. Так, на рубеже 1990-х гг. женщины в составе директорского корпуса составляли всего 6–7 %. Ныне доля женщин, достигших заметных успехов в карьере, по-прежнему невелика — различие с мужчинами составляет почти 4 раза при более высоком уровне образования. В высшем органе законодательной власти — Государственной Думе — женщины составляют около 10 % депутатов» // Там же.

³ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 267.